

«Пришлите справедливого Даля!..»

Как все-таки много в жизни значит случай!

Не приедь Владимир Иванович Даль в Оренбург, может быть, не имели бы мы теперь такого национального богатства - по крайней мере, в том виде, в каком оно существует, - как его "Толковый словарь живого великорусского языка". И это не преувеличение. Не было, наверное, в то время в России больше такого места, как Оренбургская губерния, где одновременно бывало бы - в результате переселенческой эпопеи, еще не успев перемещаться, - столько наречий и диалектов, столько обычаев и обрядов, столько песен и сказок. В одном уезде можно было встретить выходцев из десятка губерний. Да и более древнее русское население края - тоже переселенцы - конгломерат разноразличия и диалектов. Особая, чрезвычайно любопытная терминология рыбного дела сложилась у уральского казачества. В исконно русский язык активно вплетались и укоренялись в нем тюркизмы. Язык не просто жил, он продолжал расти количественно и качественно, и все это не проходило мимо Владимира Ивановича Даля.

Не случайно, именно здесь из-под его пера выходят "Были и небылицы", "О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа", "О русских пословицах". Разумеется, Владимиру Ивановичу Далю были знакомы труды известного исследователя Урала члена-корреспондента Российской академии наук П.И.Рычкова, и кто знает, может быть, его окончательно подтолкнул к титанической работе над словарем "Лексикон, или Словарь Оренбургской губернии"?

Как бы то ни было, только в 1833 году бывший флотский лейтенант Владимир Иванович Даль приехал в Оренбург. Он приехал туда малоизвестным чиновником особых поручений, а восемь лет спустя уехал знаменитым писателем и ученым.

Восемь лет! Для Даля с его умением обостренно вбирать в себя все окружающее, эти годы были целой жизнью. В первый же год своего пребывания в Оренбурге он только верхом проскакал по необозримым просторам степей и гор более двух с половиной тысяч верст: Уральск и Гурьев, Уфа и Стерлитамак, Александров-Гай и Калмыковская крепость, Букеевская орда, бесчисленные станицы, деревни, аулы, стойбища, кочевки...

К концу года он уже свободно говорил на башкирском и казахском. Интерес его был ненасытен. Он изучал степь со страстью историка, филолога, фольклориста, этнографа, археолога, юриста, ботаника, врача... и, конечно же, писателя. Прямо в степи он зачастую делал сложные по тем временам операции, давал советы, разрешал вековые споры. Зачастую он прерывал большие кровопролития. Закипала гневом степь, уже считалось невозможным обойтись без посылок карательной экспедиции, но ехал Даль - и дело решалось мирно. А сколько межлоусобных споров благодаря ему не превратилось в кровавую резню! Недаром кочевники называли его между собой Справедливым, и имя это было широко известно в степи.

О многом, например, говорит такой факт. Когда в 1837 году в очередной раз заводились казахи, "главный возмутитель" и "ослушник воли начальства" батыр Исатай Тайманов просил военного губернатора: "Просьбы и жалобы наши никем не принимаются. Мы живем в постоянном страхе. Пришлите к нам честных чиновников, чтобы провели всенародное расследование. Особенно желаем, чтобы жалобы наши попали к господину подполковнику Далю. Пришлите справедливого Даля!.."

18 сентября 1833 года в Оренбург приехал Пушкин. Уже наутро он ехал на Берды. Сопровождал его в поездке Владимир Иванович Даль. По пути он рассказал Александру Сергеевичу "сколько слышал и знал местность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачевым; указывал на Георгиевскую колокольню в предместьи, туда Пугачев поднял было пушку, чтобы обстрелять город, - на остатки земляных работ между орских и сакмарских ворот, приписываемых преданием Пугачеву, на Зауральную рошу, откуда вор пытался прорваться по льду в крепость, открытую с этой стороны; говорил о незадолго до того умершем здесь священнике, которого отец высек за то, что мальчик бегал на улице собирать пятаки, коими Пугачев сделал несколько выстрелов в город вместо картечи; о так называемом секретаре Пугачева Сачугове, в то время еще живом, и о бердинских старухах, которые помнят еще "золотые" палаты Пугачева, то есть обитую медною латунью избу".

Вечером 19 сентября Пушкин был у Даля дома. Говорят, две барышни, узнав, что великий поэт у Даля, проникли в сад и забрались на дерево. О чем говорили гости и хозяин? Рамы были двойные, и барышни ничего не услышали. Даль в своих воспоминаниях тоже умалчивает об этом. Но, наверное, о пугачевщине и Пугачеве, о причинах восстания, о нынешнем состоянии края. Все это чрезвычайно интересовало Пушкина.

Позже Даль, видимо, много встретил из рассказанного им наедине за плотно закрытыми окнами и в дороге - в "Истории Пугачева", в "Капитанской дочке". Многие архивы для Пушкина были за семью печатями, поэтому сведения Даля, уже успевшего достаточно глубоко изучить край, были для него очень важными. А то, что Даль располагал большими сведениями, видно хотя бы из того факта, что имел от военного губернатора следующую бумагу: "Состоящему при мне чиновнику особым поручений коллежскому советнику Далю... предписываю гг. исправникам, городничим, кантонным, дистанционным, султанам и прочим частным начальникам, горнозаводским,

гражданским и земским полициям и сельским начальствам оказывать всякое содействие, по требованию его доставлять без замедления все необходимые сведения..." Определенно можно сказать, что и "История Пугачева", и "Капитанская дочка" были бы написаны несколько иначе, если бы в Оренбурге в то время не жил Владимир Иванович Даль. Об этом можно судить хотя бы по тому, что в бумагах Даля уцелел отрывок записи о Пугачеве с пометкой: "Еще Пугачевщина, которую я не успел сообщить Пушкину вовремя".

Следующая встреча была в Петербурге, куда Даль приехал с Перовским, готовившим Хивинский поход. Даль еще не знает, что через несколько дней великий русский поэт будет смертельно ранен, и он будет свидетелем его смерти.

В Оренбурге им были написаны автобиографические повести "Мичман Поцелуев" и "Вахх Сидор Чайкин", "Домик на Воляной улице", другие повести, рассказы и очерки. Но особую славу ему составляют такие произведения, как "Осколок льду", "Рассказ об осаде крепости Герата", "Уральский казак", "Майна", "Бикей и Мауляна", "Башкирская русалка", написанные на местном материале.

А среди них особое место занимает небольшой по объему, но удивительно емкий очерк, а скорее рассказ "Уральский казак". Пожалуй, ни одно произведение отечественной литературы не рассказало столь глубоко, емко и честно о такой социально-этнической прослойке русского народа XVIII-XIX веков, как казачество, и в частности уральское. Не зная этого рассказа, пожалуй, невозможно понять во всей сложности и противоречиях корни и причины, приведшие уральское казачество, в качестве порохового фитиля или детонатора, к пугачевскому восстанию, как невозможно со всей объективностью понять его шатания и непоследовательность в последующий период восстания. Не зная этого рассказа, может быть, нельзя понять его дальнейшей, не менее сложной, социальной и духовной истории, его противоречий, особенно остро и непримиримо выразившихся в период гражданской войны.

Что касается повести "Бикей и Мауляна", то она была первой достоверной повестью о жизни казахов. Она сразу привлекла к себе внимание русского читателя, вскоре была издана в Париже. Необычностью материала, но реалистичностью изображаемого, глубоким гуманизмом, глубоким уважением к "диким" кочевым народам, которым не чуждо ничто: ни мудрость, ни мужество, ни доблесть, ни нежность, ни высокая любовь, достойная Ромео и Джульетты, - завоевала эта книга сердца современников.

И еще одно, чрезвычайно важное обстоятельство. Даль как бы заново открыл Оренбургский край, своими произведениями привлек к нему обостренное внимание общественности, прежде всего литературной.